

У учителя Цзя чуть глаза из орбит не выскочили — можно подумать, Ци Янь открыл не системный блок, а препарировал инопланетянина. Отсутствие в корпусе материнской платы, кулера, оперативной памяти и жесткого диска он бы еще стерпел. Но то, что там прятали три кипятильника, две электрокружки и фен, а главное — это, блин, обнаружили, — такого его педагогическая душа вынести не могла!

— Сун... Фэй!!!

— Учитель Цзя!!!

Хоть зов и был преисполнен глубокого чувства, а хватка за ногу — непоколебима, куратор все же отпихнул Сун Фэя. Он размашисто, так что бумага едва не порвалась, расписался в блокноте Ци Яня напротив строчки: «В комнате 440 обнаружено 6 запрещенных электроприборов».

Использование запрещенных электроприборов в университете — дело такое же обыденное, как и студенческие романы. В худшем случае приборы конфискуют, сделают устное предупреждение, ну или, если совсем не повезет, объявят выговор на уровне института или даже всего университета. Этим все и ограничится. Но трое парней из 440-й, проводив наконец инспекционную комиссию, никак не могли взять в толк, как именно они прокололись. Хотя пустой системный блок стоял под столом Сун Фэя, сам он владел лишь одним кипятильником, все же остальное принадлежало остальным троем. Особенно страдал Жэнь Чжэ — хозяин импортного фена, у которого сердце буквально обливалось кровью:

— Что за дела? Просто глянул и сразу все понял? У него что, шаринган?!

— Это невероятно... — пробормотал Сян Ян, глядя на лежащие на полу пустые останки системного блока, и все еще испытывая чувство нереальности происходящего.

Ван Цинюань с сомнением покосился на Сун Фэя, но промолчал.

Сун Фэй стиснул зубы так, что они едва не раскрошились.

Кое-как дождавшись одиннадцати часов вечера, когда выключили свет, Сун Фэй залез на свою верхнюю койку, спрятался под одеялом, открыл WeChat и яростно застучал по экрану смартфона:

«Тебе что, блядь, делать больше нечего?!»

Никакое количество восклицательных знаков не могло в полной мере выразить то бушующее в душе Сун Фэя желание, с которым он хотел помянуть всех предков Ци Яня до десятого колена.

Ответ с той стороны пришел незамедлительно:

«Таковы правила игры, я человек подневольный».

«Отвали, ты просто сводишь личные счета!!!»

«А разве у нас есть какие-то счета?»

Этот вопрос мигом лишил Сун Фэя дара речи.

Были ли у них какие-то счета? На самом деле нет. Хотя их отношения длились недолго и закончились не слишком красиво, у них все же бывали моменты бурной, молодой страсти.

Порой в постели они шептались друг другу нежности — например, делились секретами о том, как лучше прятать запрещенные приборы. И даже когда они в итоге мирно расстались в WeChat, то, встречаясь в очереди в Столовой с подносами в руках, все равно кивали друг другу при встрече. Все было вполне мирно.

Но сегодня маски были сброшены, и между ними пролегла кровная вражда из-за одного-единственного кипятильника.

Телефон вдруг снова завибрировал. Сун Фэй подумал, что это Ци Янь, не дождавшись ответа, прислал очередную колкость, но отправителем оказался Ван Цинюань:

«Это он?»

Ван Цинюань был единственным в Общежитии, кто знал о его ориентации. Знал он и о том, что недавно Сун Фэй завел себе BF из их университета, хотя подробностей Сун Фэй не раскрывал, а Ван Цинюань не отличался любопытством и расспрашивать не стал. Ему было известно лишь то, что они быстро разбежались. Сегодняшняя сцена для остальных осталась неразрешимой загадкой, но местный отличник быстро сопоставил факты и докопался до истины. Будучи законченным двоечником, Сун Фэй проникся к нему глубочайшим уважением и отправил:

«Угу».

«Симпатичный».

«И какой с этого толк? Красотой сыт не будешь».

«И чем же он тогда тебя зацепил?»

«Размером»

«...»

Сун Фэй не понял, к чему были эти точки. Решив, что выразился не совсем ясно, он мысленно пояснил: под «размером его души» он имел в виду вовсе не материальную щедрость, а то, что этот человек казался ему зрелым, благородным и умеющим себя вести. Конечно, позже выяснилось, что все это было лишь видимостью.

Вздыхнув, Сун Фэй снова поднял телефон, собираясь отправить соседу по комнате подробное объяснение, как вдруг от того пришло еще одно сообщение:

«Я устал, ложусь спать».

Обычно это означало конец разговора. Сун Фэй скривил губы, подумав, что, в общем-то, и ладно — дело прошлое, он даже с самим Ци Янем это больше не обсуждает, так какая разница, что подумает Ван Цинюань... Стоп, секунду!

Сун Фэй резко поднес телефон к самым глазам, взгляделся в экран и обнаружил, что, когда он писал ответ Ван Цинюаню, у него, должно быть, дрогнула рука, и вместо «Размером его души» отправилось только первое слово — «Размером».

Поэтому сейчас их переписка выглядела так:

«И на что ты тогда купился?»

«Размером»

«...»

«Я спать».

Не спи, выслушай мои объяснения!!!

Дня через два Сун Фэй снова столкнулся с Ци Янем на элективном курсе на два зачетных балла под названием «Анализ шедевров кинематографа». Попасть на этот курс было так же трудно, как достать билеты на поезд в период новогодней миграции Чуньюнь — свободные места разлетались в мгновение ока. Все ребята из их комнаты в Общежитии сели за компьютеры минута в минуту и принялись бешено кликать мышками, но удача улыбнулась лишь Сун Фэю, словно он использовал какой-то чит. Сходив на первую же лекцию, Сун Фэй понял, что вытащил счастливый билет. Преподаватель оказался на редкость душевным человеком: стоило прозвенеть звонку, он проводил переключку, после чего сразу тушил свет и запускал кино. Смотришь ли ты во все глаза или мирно дрыхнешь, уткнувшись в парту, его совершенно не волновало. И если говорить начистоту, погруженная во мрак аудитория была настоящим раем для сна. Несколько раз Сун Фэй, даже будучи абсолютно бодрым, умудрялся там сладко задремать.

В конце прошлого семестра, когда они выбирали курсы, у них все еще было хорошо, поэтому они записались на многие предметы вместе. В результате после расставания в этом семестре они то и дело сталкивались нос к носу. Настоящая меланхоличная романтика.

На этих занятиях Ци Янь, как всегда, садился на первую парту, а Сун Фэй по обыкновению занимал самую последнюю. И столь внушительная дистанция между ними не имела никакого отношения к нежеланию видеть друг друга из-за былых обид — это был исключительно зов сердца каждого из них. Хотя совместные занятия начались уже после их расставания, да и курс был всего лишь элективом, Сун Фэй не сомневался: этот тип и на обязательных лекциях ведет себя точно так же. Впрочем, как и Ван Цинюань. Наверное, в представлении отличников, чем ближе ты к доске, тем вернее тебя настигнет гранит науки. Сун Фэю же, привыкшему плестись в хвосте и сдавать зачеты на грани фолла, было не понять высоких стремлений тех, кто получает стипендию по умолчанию. Так что, пожалуй, даже хорошо, что они расстались в этом семестре. Иначе, начни они ходить на лекции вместе, бог знает сколько раз они переругались бы из-за споров о том, куда сесть — вперед или назад. В прошлом семестре они и без того бесконечно ссорились из-за одного только вопроса: идти ли готовиться в Библиотеку или нет.

Не сошлись характерами — нельзя любить? Да разница во взглядах на учебу — вот что по-настоящему смертельно, блядь!

Но беда не приходит одна. История с запрещенной техникой не вызвала в университете особого резонанса и, казалось, сошла на нет. Успокоившийся учитель Цзя воспрянул духом и на плановой воскресной переключке выставил их комнату из Общежития на всеобщее обозрение перед всем вторым курсом Исторического института, устроив им знатную порку. Не успела утихнуть досада от позора на глазах у параллельных групп, как сегодня обычно добродушный преподаватель электива словно с цепи сорвался и включил фильм ужасов. Вернее, «фильмом ужасов» его окрестил сам Сун Фэй, преподаватель же выразился изящнее — «культовое кино». Более того, нарушив свое обычное правило молча крутить фильмы, перед началом показа он красноречиво расписал свой более чем десятилетний опыт просмотра подобных картин и подвел итог: все современные культовые фильмы должны называть этот шедевр своим прародителем. Глядя на горящие глаза преподавателя, Сун Фэй всерьез

заподозрил, что предыдущие лекции шли строго по учебному плану, а сегодняшняя была этаким скрытой пасхалкой.

Пасхалка оказалась чересчур забористой: режиссер явно снимал картину с желанием отомстить всему человечеству — кровь лилась рекой, оторванные конечности летели во все стороны. К тому же автор, оправдывая звание мастера, измывался не только над физиологическим восприятием зрителя, но и знатно пытал его психику. В конце концов Сун Фэй не выдержал и малодушно сбежал с середины сеанса. Когда он выскальзывал через заднюю дверь, ему показалось, что пара сидевших неподалеку девушек одарили его презрительными взглядами. Сун Фэй искренне восхитился ими — вот они, настоящие мужики! Многие его знакомые парни обожали подобные зрелища, но он сам просто физически не мог на это смотреть. Это как с фобиями: кто-то может голыми руками поймать крысу, но визжит при виде раздавленного жука. Сколько людей, столько и слабостей, и у каждого есть своя ахиллесова пята.

Переключка все равно уже прошла, так что Сун Фэй с легким сердцем направился в Столовую, напевая под нос незамысловатый мотивчик и радуясь тому, что в это время у раздачи не будет очередей. Какая лепота!

Однако стоило ему сесть за стол и отправить в рот первый кусок тушеной курицы с мандаринами — нового кулинарного шедевра от местного шеф-повара (дегустация новинок в Столовой была одним из немногих источников радости в серых университетских буднях Сун Фэя; к тому же этот неведомый мастер фьюжн-кухни готовил весьма сносно: как минимум шесть из десяти его экспериментов оказывались съедобными), — как на телефон пришло сообщение в WeChat от Ци Яня.

«Препоод снова проводит переключку».

Кисло-сладкая курочка во рту мгновенно показалась горькой.

Сун Фэй посмотрел на часы: как раз время окончания пары. Заподозрив бывшего в самых гнусных намерениях и решив, что тот просто ищет повод испортить ему настроение, он тут же напечатал в ответ:

«Да ладно тебе! Переключка же была в самом начале. С чего бы ему в конце ее повторять? Он что, больной?»

Ответ прилетел лаконичный:

«Ага».

<http://bllate.org/book/18287/1753368>